

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ ПЕРСУАЗИВОВ *КОНЕЧНО, МОЖЕТ БЫТЬ, КАЖЕТСЯ*

СРБУИ ЛАМБАРДЖЯН

Антропоцентрический подход к изучению явлений языковой системы (то есть, с позиций прагматических целей языковой личности) привел к необходимости ревизии многих взглядов на факты языка. Это, в первую очередь, касается категорий, непосредственно связанных с говорящим, его коммуникативными намерениями. Речь идет о субъективных (модусных, согласно Ш. Балли) категориях, формирующих позиции участников коммуникации¹.

К модусным категориям (в числе многих других) относится персуазивность, отражающая степень уверенности говорящего в достоверности информации².

Средствами выражения персуазивных значений являются языковые средства разных уровней системы. Одним из этих средств являются вводно-модальные слова *конечно, несомненно, безусловно, может быть, возможно, вероятно, наверно, видимо, кажется, должно быть* и т.п.

Многолетние наблюдения над так называемыми вводно-модальными словами убеждают в мысли, что их нельзя называть словами в классическом смысле слова: они не называют предметы, явления, процессы, состояния. Рассматриваемые вводно-модальные слова, как показывает анализ, обладают мощным лингвокультурологическим потенциалом, претворяют в жизнь художественные и философские замыслы автора. И поэтому изучение **персуазивов** – вводно-модальных слов – требует учета всех прагматических и лингвокультурологических составляющих.

В данной статье мы попытаемся представить психопрагматический и лингвокультурологический **паспорт персуазивов** *конечно, может быть, кажется*.

Конечно. Обратимся к толковому словарю, где можно обнаружить следующие характеристики:

Конечно. 1. вводное слово. Само собой разумеется, без сомнения. *Он,*

¹ См. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., Иностранная литература, 1955.

² Подробнее см.: Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., Высшая школа, 1981; Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. М., МГУ, АКД, 1979.

конечно, прав. 2. частица. Да, разумеется. *Вы любите музыку? Конечно!*³. Здесь, как видим, автор использует способ семантизации через синонимический ряд и контексты реализации.

Приглядимся к контекстам реализации персуазива *конечно* с позиций прагматики и лингвокультурологии и определим возможные смысловые блоки, передаваемые им.

Конечно 1. Реализует значение из семантической области уверенности, причем в категорической форме, то есть, воздействуя на адресата со всей полнотой иллюкутивной силы, чтобы рассеять любые сомнения.

Например: а) “– Иван вернулся из командировки? – Да, вернулся. – А ты уверен в этом? – *Конечно*, я только что разговаривал с ним” /Т.Устинова/.

б) “– Известие вполне достоверно, Бетти? – спрашиваем фрау Пагель. – Известие? *Конечно, достоверно*. Этот милый юноша – Эйтель Фриц – заходил туда по делу. Он читал своими глазами извещение” /Г.Фаллада /.

Конечно 1 имеет две прагматические доминанты: 1) говорящий подчеркивает свою уверенность в достоверности информации, так как обладает знанием; 2) он пытается рассеять любые сомнения адресата. Это значение можно представить следующим образом: ‘*И не сомневайся, что информация достоверна, соответствует реальному положению дел*’. Именно данное значение отражено в словарях.

Конечно 2. В этом случае реализуется смысловой комплекс, который можно назвать “коммуникативной провокацией”, имеющей целью получение искомой информации. Это значение отражает следующую коммуникативную ситуацию: говорящий не обладает знанием, хочет спровоцировать партнера на ответ.

Например: “– Меня пригласили на обед к Ивановым. – И ты, *конечно*, принял приглашение! – Да, принял” /В.Розов/.

Здесь персуазив *конечно* вовсе не свидетельствует об уверенности говорящего, о знании им реального положения дел. Наоборот, *конечно* выступает в роли некоего психотропного средства, стимулятора, который позволяет получить искомую информацию. Семантизировать данный смысловой блок можно следующим образом: ‘*Я не обладаю достоверной информацией, каузирую тебя дать искомую информацию*’.

В случае данной реализации *конечно* позволяет структурировать переносную (проективную, согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову)⁴ информацию, которую заменяет прямо (прагматически) построенный запрос: *Ты пойдешь или нет? / Принял приглашение или нет?* К этому приему языковая личность прибегает в том случае, когда у нее есть опасения, что прагматически построенный текст может не дать желаемых результа-

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1953, с. 254.

⁴ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., Русский язык, 1983, с.138.

тов. Напомним, что, согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, информация может быть построена прагматично и проективно.

Конечно 3. В данной реализации персуазив *конечно* отражает сложную двухфазисную ситуацию с **переходом от неуверенности к уверенности**. Это значение можно охарактеризовать как **предположение-подтверждение**. В первой фазе говорящий, не будучи носителем знания о положении дел, строит предположение; во второй стадии он становится очевидцем предположенного и неуверенность трансформируется в уверенность. Это языковые факты типа: По дороге на работу я думал: интересно, чем сейчас занята главврач. Наверно, как всегда, решает хозяйственные проблемы. *Конечно*, Анна Петровна сидела в своем кабинете и спорила с завхозом.

Семантизировать это значение можно следующим образом: *‘Не будучи очевидцем я предположил определенную ситуацию, а затем стал ее наблюдателем и убедился в достоверности предположенного’*.

В данной реализации *конечно* является синонимом *действительно*, но в отличие от последнего имеет больший эмоциональный заряд. Например: *‘Конечно, вы, по обыкновению, ничего не делаете’*.

Говорящий, зная привычки адресата, предположил ситуацию, а затем, став наблюдателем, подтвердил достоверность предположенного.

Конечно 4. Это реализация значения догадки-вывода на основе **однозначных косвенных данных**. Здесь вывод один, двух мнений быть не может, и подобный вывод равнозначен **уверенности на основе знания**. В. С. Храковский описывает ситуацию реализации данного значения следующим образом: на столе пустая тарелка из-под пирожков, из комнаты выбегает собака с последним пирожком в зубах. Вывод: *‘Конечно, пирожки съела собака’*⁵.

Конечно 5. реализует значение предположения-догадки, и в этой реализации персуазив *конечно* синонимичен вводно-модальным словам *наверно, видимо* и др.

Например: а) “На жалобный крик профессора прибежала Ксения Никитична и сразу же совершенно его успокоила, сказав, что это, *конечно, кто-нибудь из пациентов подбросил котенка*, что это нередко бывает у профессоров. – Живут, *наверно*, бедно, – объясняла Ксения Никитична, – ну, а у вас, *конечно...* Стали думать и гадать, кто бы мог подбросить. Подозрение пало на старушку с язвой желудка. – Она, *конечно*, – говорила Ксения Никитична, – она думает так: мне все равно помирать, а котеночка жалко” /М. Булгаков/.

Контекст прозрачно отражает ситуацию, где нельзя быть уверенным, можно строить только предположения и догадки; говорящий с помощью

⁵ Храковский В. С. Эвиденциальность и эпистемическая модальность. // Четвертая типологическая школа по лингвистической типологии. М.- Ер., 2005, с. 34.

конечно хочет убедить себя и окружающих, что его предположения, догадки соответствуют реальному положению дел. Роман свидетельствует об ошибочности версий Ксении Никитичны. Смысловую структуру **Конечно 5** можно представить следующим образом: ‘*Хоть я и не обладаю знанием, но субъективно уверен в достоверности моих предположений-догадок, и тебе советую придерживаться моей точки зрения*’.

б) “Вот ты выросла в лесу, никого не выдавши. Читать ты, *конечно*, тоже не могла” /А.Куприн/.

в) “*Конечно*, вы, по обыкновению, ничего не читаете” /А.Куприн /.

(В последнем контексте говорящий строит догадку на обычной повторяемости явления).

г) “– *Не знаю*, где пропал Монго, – сказал Лермонтов Надин. – Ну, *конечно*, он *догадается*, что я у вас” /М.Сизова /. Здесь говорящий выражает субъективную уверенность в виде категорической уверенности в том, в чем никак нельзя быть уверенным: **в чтении чужих мыслей**.

Конечно 6. Это чисто прагмастилистическая реализация персуазива *конечно*, когда последний выступает в роли стилистической фигуры и претворяет в жизнь художественные замыслы автора. *Конечно* переводит нейтральный текст в эмоционально-экспрессивный, эпатажный.

Например: а) “Василия Тарасовича Растопыркина <...> выкинули с трамвайной площадки.

Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. “Цельный день,– думает,– лазию по стремянкам и разноцветную краску на себя напущаю и не могу идтить пешком. Дай,– думает,– сяду на трамвай, как уставший пролетарий”. Тут, *конечно*, останавливается перед ним трамвай № 6. Василий Тарасович просит, *конечно*, одного пассажира подержать в руке вёдрышко с остатней краской, а сам, *конечно*, ставит на площадку стремянку. *Конечно*, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты – не блестела” /М. Зощенко/.

Здесь *конечно*, повторяясь очень часто, отнюдь не реализует словарное значение (подчеркнутая уверенность): оно выступает в стилистической функции, является главным средством автора в придании тексту сатирического эффекта, эпатажности. Есть и оттенок коммуникативной агрессии, так как наряду с ерничаньем чувствуется и смысл: ‘*Ты же понимаешь, что не могло быть иначе*’.

б) “В *повестухе* герои, *конечно*, называют друг друга “стариками” и, *конечно*, разговаривают на невозможном, чудовищном сленге. <...> Герой повестухи, *конечно*, физик и, *конечно*, очень рассерженный молодой физик. Этот “старик” встречает, *конечно*, в молодежном кафе “старуху”, ясное дело, фантастическую раскрасавицу” /Э. Радзинский/.

Здесь автор с помощью персуазива *конечно* претворяет в жизнь свои

художественные замыслы: в данном случае выражает эмоционально-экспрессивное отношение (гневное возмущение) шаблонными схемами, кочующими из произведения в произведение. Тон задает не только презрительное слово “повестуха”, но и слишком часто повторяющееся *конечно*. Здесь реализуется смысловой комплекс ‘*Ведь ты понимаешь, что иначе и не могло быть!*’.

Подведем некоторые итоги: персуазив *конечно*, который ассоциируется в языковом сознании с выражением значения подчеркнутой уверенности, не так “прост”; он может выражать и значения из противоположной семантической области, то есть **неуверенность, предположение, догадку, вывод**. А это значит, что *конечно* реализует такое общесемантическое явление как **энантиосемия**. Оно обладает лингвокультурологическим потенциалом: выражает чувства, эмоции, претворяет художественно-эстетические замыслы говорящего.

Может быть. Вводно-модальное слово *может быть*, согласно стереотипным ассоциациям, напрямую соотносится с недостоверным знанием и, как результат, с неуверенностью говорящего.

В словаре С. И. Ожегова обнаруживаем следующее: статьи, посвященной рассматриваемому персуазиву, нет. Модальное слово *может быть* представлено в ячейке, посвященной персуазиву *возможно*, следующим образом: *возможно*, вводное слово. **Может быть.** Мне, *возможно*, придется уехать⁶. Это значит, что *может быть* рассматривается (и справедливо) как синоним персуазива *возможно*, но это частичные синонимы, так как *может быть* имеет несравненно более широкий прагматический и лингвокультурологический диапазон по сравнению с *возможно*.

Словарная статья показывает, что *может быть* относится к модальным операторам, реализующим смысловые комплексы из семантической области неуверенности.

Присмотримся к персуазиву **может быть (быть может, может)**.

Может быть 1. Ситуация для говорящего неизвестна, и следовательно, он может позволить себе выразить только предположение. Семантизируется данное значение следующим образом: ‘*Я, говорящий, не обладаю знанием о реальном положении дел и, поэтому, могу выразить только предположение*’.

Например: а) “Откуда-то он знал этого типа... А *может быть*, и не знал. *Может быть*, просто видел в каком-то фильме. А *может быть*, и не видел. *Может быть*, даже тип его не знал” /Э. Радзинский/.

б) “[У фрау Эвы пропала дочь. Поток ее сознания “читает” управляющий Пагель]. *Быть может*, ей хотелось побыть одной. *Быть может*, она стояла в темноте и ждала, чтобы треск мотора замолк в ее ушах, чтобы снова раздалось биение сердца, *быть может*, она думала, что, ощутив

⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка, с. 76.

собственное “я”, она почует и дочь, которая была некогда частью ее “я”? *Быть может*, ей видится, что она идет впереди, а дочь плетется сзади. Или ей чудится, что она странствует без приюта по чужой земле?” /Г.Фаллада /.

в) “Он закрыл руками лицо и так и остался сидеть. *Может*, думал, *может*, плакал” /В. М. Шукшин/.

г) [*Может быть* выражает “пророческое” предположение: поток мыслей Ленского перед дуэлью]: “Блеснет завтра луч денницы, /И заиграет яркий день. /А я, *быть может*, я гробницы /Сойду в таинственную сень ...” /А. С. Пушкин/.

Во всех приведенных языковых фактах стержень – **незнание**, что дает возможность говорящему предположить варианты, один из которых может соответствовать действительности, но и то, только предположительно; нет ничего достоверного. Именно этот смысловой комплекс ассоциируется с персуазивом *может быть*.

Может быть 2. Косвенный речевой акт **просьбы, мягкого приказа**, принуждающего к действию **совета**.

Например:

а) “*Может*, сходим в кино?”.

Это выражение синонимично императиву *Пойдем в кино!*

Косвенная просьба, реализованная с помощью персуазива *может быть*, не имеет прямого отношения к семантическим областям уверенности и неуверенности. Здесь *может быть* употребляется для заглушения иллюкутивной мощи высказывания.

б) “Поручик Голицын, а *может*, вернемся./ Зачем нам, поручик, чужая земля... /Автор неизвестен. Обработка Ж. Бичевской/.

Косвенная просьба подкрепляется и аргументацией: нам *не нужна* чужая земля.

Может быть 3. Реализует значение: **предположение-надежда**. Одним из компонентов данного смыслового блока является желание: говорящий **желает**, чтобы предполагаемое осуществилось, реализовалось в действительности.

Например:

“Я мнил: *быть может*, жизнь/ Мне принесет незапные дары; /*Быть может*, посетит меня восторг /И творческая ночь, и вдохновенье; /*Быть может*, новый Гайден сотворит / Великое – и наслажуся им...” /А. С. Пушкин /.

Здесь глагол *мнить* реализует значение: **мечтать, надеяться**. И персуазив *может быть* раскрывает в определенной степени возможные варианты мечтаний Сальери.

Может быть 4. Передает **сомнения, переживания, сложные психоментальные состояния**.

Например:

а) “[И. С. Бах. О себе] Меня мучили сомнения. Все было зыбко. *Может*, мне порвать с другими композиторами? *Может*, я глупец? *Может*, я пленник в этом замке?” /Т/к “Культура”, Т/п “Эпоха барокко”/.

б) “*Может быть*, это точка безумия, / *Может быть*, это совесть твоя – / Узел жизни, в котором мы узнаны / И развязаны для бытия” /О.Мандельштам /.

в) “Вдруг дерево жизни – таинственный страж, / *А может быть*, это лишь только *мираж*? / *А может быть*, это усталости *бред*? / *И нет Учкундука, спасения нет*” /Ю. Энтин /.

Как видим, приведенные контексты отражают сложные внутренние колебания, перепады, пограничные психоэмоциональные состояния, в основе которых лежит **сомнение**.

Может быть 5. Выражает **утверждение** в категорической эмоционально-экспрессивной форме, являя собою типичный пример **энантiosis-ми**. Говорящий здесь выражает разные эмоции: раздражение, возмущение.

Например:

а) “[Маляра Растопыркина выкинули из трамвая за грязную одежду. Передано его возмущение этим фактом, гнев в виде потока сознания]. Он, *может*, действительно, как собака, грязный едет. *Может*, краски и другие предметы льются во время профессии. *Может*, он от этого устает, и ходить ему от этого трудно” /М. Зощенко/.

Здесь герой (устаами автора) выражает сильные эмоции относительно действий пассажиров, от третьего лица передает свои горькие мысли о незавидной доле. Сатирический эффект цепочки констатаций в эмоционально-экспрессивной форме обеспечивается, в первую очередь, повторяющимся персуазивом **может быть**, который здесь реализует значение **категорической уверенности**.

б) “[Участковый выражает возмущение разгильдяйством группы мужчин, которые вместо того чтобы работать, пьянствуют. Это его реакция, сопровождающаяся скрытой **угрозой**, на попытку оправдать свое ничегонеделание]. Вижу, что у вас тут комедия! *А может*, не смеяться, а *может*, плакать надо” /В. М. Шукшин/.

Здесь реализовано значение: *Плакать надо, а не смеяться; абсолютно уверен*.

в) “[Старушка возмущается тем, что ей подали рубль, как нищенке] – Вот, говорит, примите, мамаша, от неизвестного. – Я, *кажется*, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете? *Может*, я дочку жду” /М. Зощенко/.

Может здесь исключительно стилистическая фигура, выражающая эмоции героини и придающая тексту экспрессию.

г) “Как ни придете – труп. *Может*, предупредите, сколько их у вас запланировано” /И. Хмелевская/.

Полицейский выражает свое **возмущение** тем фактом, что каждая встреча с Иоанной сопряжена с трупом; *может быть* обеспечивает тексту сатирический эффект в соединении с компонентами: **предупредите и запланировано.**

д) “[Оперативники отчитываются перед руководителем группы].

Полковник Петренко. Все же – *так или не так?*

Майор Ларин. *Может, так, а, может, не так.*

Полковник (передразнивая). *Может, так, а, может, не так! Сидите тут и гадаете на кофейной гуще! Идите работайте” /Т/с “Улицы разбитых фонарей”/.*

В речи майора Ларина *может* выражает свое прямое значение – **неуверенность**; полковник Петренко передразнивает, повторяя эту речь, выражая свой гнев. Этот “переносно” (проективно) построенный текст выражает категорическое утверждение с оценкой: *Вы очень плохо работаете, ничего не делаете!*

е) “[Родольфо засадил свою сообщницу по преступлению в тюрьму]. – Родольфо, ты должен выволить меня из тюрьмы! Ведь ты меня туда засадил! – *Может, я, а, может, нет*” / Т/с “Раба любви”/.

Здесь преступник играет в “кошки-мышки” с соучастницей преступления, ёрничает. Смысловый комплекс таков: *‘Все ключи от замков, твоя судьба ... в моих руках; как захочу, так и поступлю’.*

Как видим, употребление в речи персуазива *может быть* помогает говорящему строить высокоэмоциональные проективные тексты.

ж) “Одну простую сказку, /А *может*, и не сказку, /А *может*, не простую /Хочу я рассказать. /Ее я помню с детства, /А *может*, и не с детства, /А *может*, и не помню, /Но буду вспоминать” /Э. Успенский/.

Здесь каждый последующий шаг – это отрицание достоверности предыдущей информации. Все берется под сомнение. Этот текст, благодаря персуазиву *может быть*, становится образчиком персуазивного “ёрничанья”. Автор, сомневаясь во всем, внушает читателю мысль, что все есть мираж, сон, абсурд. Не зря мультфильм “Пластилиновая ворона”, созданный на основе “Простой сказки” называют “фейерверком абсурда” /Т/к “Культура”, передача об Э. Успенском/.

Может быть способно передавать эпатажные переходы с реализацией едкого сарказма.

з) “Мы живем в стране свободы. Никто этого не подвергает сомнению. *Может быть*, потому, что мы не даем слово другим народам” /Марк Твен/.

Первая часть информации содержит “категорическую уверенность”, вторая часть, реализуя едкий сарказм, перечеркивает эту уверенность, аргументируя причину неуверенности.

Итак, анализ ясно показывает, что персуазив *может быть* многолик,

семантизируется неоднозначно. Это вводно-модальное слово реализует значения и из области неуверенности (предположения, надежду, сомнения и т.п.), и из области уверенности (**категорическое утверждение** в эмоционально-экспрессивной форме). Данный персуазив может выполнять и чисто стилистическую функцию: структурирует тексты, содержащие подтрунивание, издевательство ... И здесь представлена весьма пестрая персуазивная карта с насыщенной прагматикой и лингвокультурологией.

Кажется. Это вводно-модальное слово также многолико, имеет целый ряд реализаций. В словаре С. И. Ожегова данное слово охарактеризовано следующим образом: **Казаться.** 1. Иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление; *казаться, казалось*. 2. Представляться воображению. Мне *казалось*, что он прав. 3. В значении вводного слова. *Кажется, казалось, словно, по-видимому*. Он, *кажется*, согласен⁷. Словарная статья отражает следующее положение дел: в одной из реализаций *казаться* признается вводно-модальным словом и семантизируется через синонимический ряд (словно, по-видимому).

Обратимся к контекстам реализации смысловых блоков через персуазив *кажется*.

Кажется 1. Отражает ситуацию непосредственного наблюдения оцениваемого явления, но невозможность выразить уверенность, утверждать что-то из-за помех, плохой видимости.

Рассмотрим примеры:

а) “*Кажется, Петр идет*” /В. Розов/.

б) “*Кажется, дождь собирается*” /А. Милн/.

в) “Ого! *Кажется, подъезжаем. Уже виднеется Аккерман*” /В. Катаев/.

Во всех этих контекстах реализована одна и та же ситуация: говорящий непосредственно наблюдает оцениваемое явление, но из-за тех или иных помех не может выразить полную уверенность.

Кажется 2. Этот персуазив отражает ситуацию, где господствует **неточное знание**, обусловленное двумя причинами: а) ущербность знания, когда не все детали известны; б) забывчивость, приводящая к сомнениям. Нужно отметить, что очень часто эти факторы выступают вместе и даже широкий контекст не позволяет дать точные ответы.

Например:

а) “Он был веселый, танцор, балагур. *И вдруг* ушел в народ, к сектантам. *Кажется*, у него был неудачный роман” /А. М. Горький/.

б) “Адрес и телефон человека по имени Сосо Габуния неизвестен. Да и что такое “Сосо”? Вряд ли имя, *скорее, кличка. Хотя нет. Кажется*, “Сосо” по-грузински – уменьшительное имя от “Иосиф”. Старые друзья Сталина звали его именно так” /Б. Акунин/. Здесь отражение сложных мыслительных процессов, состоящих из колебаний, сомнений, обуслов-

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка, с. 228.

ленных **неточностью знаний**. Но последний фрагмент текста, содержащий аргумент в пользу достоверности предположенной версии, отражает склонность говорящего принять именно ее.

в) “Николаас остался в квартире один и стал, как велено, *шевелить мозгами*. Кажется, общий контур событий начинал понемногу *прорисовываться сквозь туман*. Кто-то – назовем его Икс – узнал о документе из тайника. Заинтересовался” /Б. Акунин/.

Здесь серьезная мыслительная деятельность, каждый шаг “шевеления мозгами” натывается на сомнения, вызванные неясностью положения дел.

г) “Имени я не запомнил. Он участвовал в передаче об Игоре Вильданове. Мне показалось, что этот человек *что-то вроде* личного менеджера. Кажется, у артистов это называется импресарио” /А. Маринина/.

Здесь персуазивная семантическая доминанта ‘неточно знаю’.

Кажется 3. Ситуация с этой гранью персуазива *кажется* позволяет говорящему выразить сложные, тяжелые психоэмоциональные состояния, передать душевные переживания, состояния сна-яви, сомнамбулизма .

Например:

а) “Я и сам *как во сне*. Знаете, он упомянул Телятникова, и я думаю, что этот и прятался в снях. Да, вспомнил, он предлагал прокурора и, *кажется*, Дмитрия Митрича ... Я, *кажется*, очень стал просить его скрыть, очень просил, очень, *боюсь* даже, что унизился” /Ф. Достоевский/.

Здесь говорящий неадекватно оценивает свое поведение, что свидетельствует о его тяжелом психическом состоянии.

б) “Я, *кажется*, рожден не боязливым, /*Перед собой вблизи видал я смерть, /Пред смертью душа не содрогалась...* /Но что ж теперь теснит мое дыханье? /Что значит сей *неодолимый трепет*? /Иль это *дрожь желаний напряженных*? /Нет – это *страх*” /А. С. Пушкин/.

Говорящий не может понять самого себя, определиться в своем душевном состоянии: весь текст отражает переживания, переходы от одной версии к другой.

в) “*Люблю ли* тебя, я не знаю, но *кажется* мне, что люблю” /А.К.Толстой/.

г) “– *Мне кажется*, что у нас не дуэль, а убийство. Я не привык целить в безоружного. Начнем сызнава... Голова моя шла кругом. *Кажется*, я не соглашался ...” /А. С. Пушкин/.

Следует отметить, что именно данная семантизация персуазива *кажется* представлена во всех тех случаях, когда делается попытка оценить состояния, происходящие во внутреннем мире Я-Эго, даже если последний оценивает себя самое. Отсюда и очень частые реализации типа: ‘*Кажется, я влюбился (ревную) скучаю...*’.

Прекрасно передается данная ситуация в строчке из песни И. Кучина “Изба”:

“Гуляет ветер по избе пустой, пустой... /Я заблудился сам в себе – хоть плачь, хоть вой”.

Кажется 4. Это реализация смыслового комплекса, выстраивающего ряд *кажется, чудится, мнится*. Говорящий в случае **кажется 4** знает, что этого не может быть, и тем не менее...

Например:

а) [Об умершем] “Все *кажется*, что откроется дверь и войдет Виктор” /В. Розов/.

б) “Кругом снега и ночи черные-черные, *кажется*, конца нет и не будет. Заснешь, как убитый. И вдруг... проснешься среди ночи. Прислушаешься, тишина такая... *Кажется*, ты один на всем свете” /В. Кузнецов/.

в) “Живу в чужом, мне *приснившемся* мире, /Где, *может быть*, я умерла, /И, *кажется*, тяжело глядится Суоми /В пустые свои зеркала” /А.Ахматова/.

Во всех приведенных примерах говорящий знает о невозможности реализации того, о чем идет речь; осознает, что все это чудится, мнится.

Кажется 5. Этот смысловой контекст отражает ситуацию “очевидное-невероятное”.

Например: “*Не знаю, вероятно, у меня галлюцинации, но мне кажется*, что я *вижу* кита недалеко от парламента” /ОРТ, т/п “Новости” от 19 января 2016 г./.

Здесь говорящий непосредственно наблюдает ситуацию, но она столь невероятна, что он не может поверить в ее реальность. Данное значение можно семантизировать как: ‘*Я непосредственно наблюдаю явление, но не могу поверить глазам, так как этого не может быть*’.

Кажется 6. Отражает ситуацию: говорящий честно признается, что это его субъективное мнение, но он уверен в достоверности оцениваемого.

Например:

а) “Он верный человек, не терпит неверности. *Мне так кажется*, это мое мнение” /А. Кончаловский об Александре Домогарове. Т /п “Новости культуры”/.

б) “*Не знаю, может, я ошибаюсь*, это мое субъективное мнение, но *мне кажется*, что в “Травиате” голос Доминго звучит во всей красе” /З.Соткилава. Т/п “Мастера мировой оперы”/.

Можно это *кажется* назвать “интеллигентным”, так как говорящий подчеркивает субъективность точки зрения. Это значение семантизируется следующим образом: ‘*Я довожу до сведения всех, что это мое субъективное мнение, но я уверен в этом*’.

Кажется 7. Это прагмастилистическая реализация, когда вводно-модальное слово *кажется* выражает значение *уверенности*, причем в эмоционально-экспрессивной форме. А это значит, что **кажется 7** противопоставляется всем предыдущим реализациям, где так или иначе пред-

ставлены значения из семантической области неуверенности, стержнем которых, то есть смысловой доминантой, является *сомнение*. **Кажется 7** являет собой яркий образчик энантиосемии, ведь *кажется* в психоментальном мире человека ассоциируется, в первую очередь, с семантической областью неуверенности.

Например:

а) “– У тебя муж есть? – Утром был, *кажется*, – пошутила Настя” /А.Маринина/.

б) “Рассвет поднимался над окнами, а покойник все, *кажется*, был недоволен” /Э. Радзинский/.

в) “– Онегин, я тогда моложе, /Я лучше, *кажется*, была, /И я любила вас ...” /А. С. Пушкин/.

г) “[Старший следователь **возмущен** неопределенностью ответа.] – Так он умер естественной смертью, или его отравили? – *Кажется*, отравили. – И все только *кажется*. *Ничего точного*” /Т/с “Маршал Рокка”/.

д) “Мадмуазель, я, *кажется*, ясно сказал: я ничего не продаю” /Х/ф “Искатели приключений”/.

е) “– Вы не встречались с неким Хеннерли? – Как же, знаю ... Ужасный хам. – *Мне кажется*, он должен быть *прекрасно воспитан*. Он приходится племянником моему другу лорду Бараклафу. *Учился в Итоне*” /С.Мозм/.

Здесь **мне кажется** не только передает значение ‘*Я абсолютно уверен, что вы ошибаетесь относительно Хеннерли*’, но и строит сложный проективный текст, который требует серьезных лингвострановедческих знаний: племянник лорда, да еще окончивший Итон, не может быть хамом. Весь этот пространственный “переносный” текст можно озвучить фразой: *Вы говорите глупости*.

ж) “[Диалог между свободно ведущим себя на деревенской танцплощадке чужаком с местными парнями, возмущенными его поведением].

– *А тебе не кажется*, что ты тут развел бурную деятельность? – *Нет, не кажется*. – *А нам кажется!* – *Креститься* надо, когда *кажется* /В.Шукшин/.

Здесь представлена сложная проективная коммуникация, которую прямо, прагматически можно представить следующим образом: “– Ты себя очень плохо ведешь! – *Глупости, вы ошибаетесь*. – Нет, не ошибаемся; это может для тебя плохо кончиться! – А я вас не боюсь!”

Стержнем переносно построенной коммуникации является персуазив *кажется*; коммуниканты используют его разные возможности, а последняя фраза (*креститься надо*) позволяет герою Паше Колокольникову выразить свое презрение к угрозам деревенских парней; это удается ему благодаря переводу коммуникации в “прагматическое” русло, когда он на **угрозу** (– А нам кажется) реагирует как на реализацию значения *чудится*,

мнится, кажется.

з) “Игорь, почему ты не поговоришь с дядей Славой... *Мне кажется*, ты напрасно упрямишься.

– *Кажется ей*, - снова вспыхнул Вильданов, – *Креститься надо, когда кажется*” /А. Маринина/.

Эта косвенная коммуникация многослойна: *мне кажется*... реализует значение ‘*Я абсолютно уверена*’; здесь реализован и **косвенный совет** обратиться за помощью к дяде Славе. Это возмущает адресата, вызывает гнев; и прагматическая реакция “Мне не нужны твои советы” заменяется “переносной”: ‘*Если кажется (чудится, мнится) – крестись!*’

В ситуации, когда оба партнера коммуникации обладают достоверными знаниями о положении дел и при этом один из них хочет обмануть другого, представить все в ином свете, персуазив *кажется* также способен строить проективную информацию. Например:

и) “[Диалог между олигархом и его заместителем и другом.] – Они никак не могут найти твоего друга рекламщика ... Вот ты *случайно не знаешь, где он?* – Он мне не друг. – *А мне казалось, что вы дружили.* – Я со многими здесь в торговом центре дружу, или *как бы дружу.* – В общем, как бы, если я узнаю, что *ты как бы* причастен к этой афере Курочкина, я тебя ...– Я не причастен...– Ладно, *как бы...*” /Г/с “Торговый центр”/.

Здесь звучит призыв не говорить неправду (*а мне казалось...*) и угроза, где с помощью словечка *как бы* шеф дает знать бывшему другу, что он осведомлен о ситуации, и последнего ждут не лучшие времена.

Этот большой массив языковых фактов наглядно показывает, что персуазив *кажется* обладает мощным лингвокультурогическим потенциалом: он помогает говорящему строить проективную информацию, реализуя при этом значение из семантической области уверенности. Автор благодаря персуазиву *кажется* решает множество художественных задач: выражает эмоции (гнев, возмущение, угрозу, упрек...), придает тексту юмористический и сатирический оттенок. Здесь, как и в случае с *конечно* и *может быть*, широко представлено общесемантическое явление энантиосемии, когда реализуются смысловые комплексы из антонимичных областей (и уверенность, и неуверенность).

Отметим, что есть и весьма “двусмысленные” реализации *кажется*.

Например:

а) “Я это или не я? *Кажется*, уже не совсем я” /Л. Кэрролл/.

В ситуации, когда *Я-Эго* смотрит на свое отражение в зеркале и выражает такие мысли, можно предположить несколько прочтений: 1) трудности самоидентификации, связанные с психикой; 2) сущностные внешние изменения, когда трудно узнать даже самое себя; 3) сложные внутренние трансформации, приводящие к глубоким мировоззренческим переменам. В случае с Алисой реализован последний вариант.

б) “Лично у меня нет детей, *мне кажется*” /А. Райкин/.

Двусмысленность здесь обусловлена тем, что в устах мужчины реализуется прямое значение *кажется*: если мужчина ведет свободный образ жизни холостяка, то это обычный контекст реализации. Если данное выражение вложено в уста женщины, то здесь на первый план выдвигаются проблемы *психики*. В случае первой (мужской) реализации выражение содержит в себе и трагикомический компонент.

Подведем некоторые итоги исследования. Анализ речевых реализаций вводно-модальных слов – персуазивов *конечно, может быть, кажется* убеждает в том, что это очень сложные в смысловом плане модальные операторы, обладающие многосторонними прагматическими и лингвокультурологическими возможностями. Анализ показывает, что эти словечки способны выражать много смысловых комплексов, иногда антонимичных. И утвердившиеся в сознании носителей языка представления об их “однонаправленности”, ориентированности или на область уверенности, или на область неуверенности не совсем соответствуют действительности.

Ключевые слова: антропоцентризм, прагматика, лингвокультурология, персуазивность, модальные операторы

ՄԴՐՈՒՇԻ ԼԱՄԲԱՐՋՅԱՆ – *Բիարկե, միգուցե, կարծես թե* պերսուազիվների պրագմատիկ և լեզվամշակութաբանական անձնագիրը – Հոդվածը նվիրված է *конечно (բիարկե), может быть (միգուցե), кажется (կարծես թե)* պերսուազիվների պրագմատիկ և լեզվամշակութաբանական որոշ հնարավորությունների լուսաբանմանը: Ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ վերոհիշյալ բառերը ունեն պրագմատիկ և լեզվամշակութաբանական մի շարք հատկություններ, որոնք հնարավոր է հայտնաբերել միայն լայն համատեքստում:

Բանալի բառեր – *մարդակենտրոնություն, պրագմատիկա, լեզվամշակութաբանություն, մոդալ օպերատորներ*

SRBUHI LAMBARJYAN – Pragmatic and Lingua-cultural Passport of Persuasives *конечно (of course), может быть (may be), кажется (it seems)* – The article is devoted to the analysing of pragmatic and lingua-cultural aspects of modal operators *конечно, может быть, кажется*. The research shows, that this persuasive realize different meanings in different contexts. The aim of the research – to describe some of these meanings.

Key words: *anthropocentrism, pragmatics, lingua-culturology, modal operators (persuasives)*